

ВЫСТАВКА ПЛАКАТОВ НА ВЫХОДЕ ИЗ РАЯ

Независимая
галерея, -1998,
-18 апр. - с. 7

Балет «Метаморфозы» в гастрольной программе труппы Мориса Бежара

Маяя Крылова

МЫ ЗНАЕМ разного Мориса Бежара — философа, мистика, игрока в бисер по Гессе, влюбленного исследователя культур. Бежар нынешних гастролей в Москве, организованных продюсерской фирмой «Постмодерн-театр» и Альфа-банком, — это увлеченность сиюминутной актуальностью социума. Спектакль «Метаморфозы», показанный на сцене Большого театра, трижды актуален для постановщика: по теме — возможность грядущей экологической и ядерной катастрофы; по контексту темы — воспоминания горстки уцелевших людей о былом; по личному художественному интересу — испытание возможностей антиутопии на балетной сцене.

В «Метаморфозах» разработана классическая тема «потерянного рая». На фоне сменяющихся изображений апокалипсиса (атомный гриб, разрушенные дома, птица с крыльями, склеенными нефтью) — танец по поводу конца света. Масса в сером, одетая в противогазы, медленно меняющая позы. Сидяче-лежащий вальсок, в котором возникают слова о последних временах и о смерти (под «космическую» музыку Юга Ле Бара). Наплывами, внезапными всплесками — ностальгия: шелковые одеяния от Версаче, веселенькая песенка о «прекрасной Калифорнии», бодрый бег, прыжки из утренной зарядки на фоне эстрадных хитов «старого доброго времени». А потом и обилие классических па, арабесков с батманами и высокими подержками в дуэтах — вплоть до сен-сансовского «Лебеда», отягощенного, правда, привязанными к «крыльям» жестяными банками, — постоянный у Бежара коллаж танцевальных техник, стелень «идеальности» которых призвана сказать о степени надежды и дозе радости. Бежаровская Аркадия: апельсин, с которым играют; детская кукла, кото-

рую баюкают; маленькая девочка в белом платьице, выбегающая в финале, — когда главный герой не улетает вместе со всеми на ракете, а остается на Земле, чтобы ждать новые цветы, выросшие на пепелище. Бежаровские предупреждения: стакан воды, выносимый на сцену, словно святыня («Это стекло, в нем вода. Только вода. Скоро ее будет трудно найти. Почему?»); разноцветные части манекена, из которых никак не собирается новое тело и новая душа; мусорные баки на колесах и танцовщики с автоматами, «расстреливающие» зрительный зал. И главное по замыслу — бежаровский оптимизм, вера в «голубой корабль розовой мечты» (так Бежар назвал фильмы Феллини), в неистребимый жизненный инстинкт человека, убежденность, что повседневная жизнь с разнообразными ее радостями, сам процесс жизни и есть искомый рай. Потому в «Метаморфозах» так много визуальных ссылок на эстетику старого голливудского музыкального кино, очень Бежаром ценимого: танцы-массовки «герлс», примадонны, картинно спускающиеся по лестнице, атмосфера реву, дансинга, скейтинга-ринга. Великая Мечта, которой больше нет — «строго говоря, конец мира есть не что иное, как конец иллюзии, и ничем иным он быть не может». Пластические «американизмы», которых Бежар (в отличие от многих европейских коллег) не боится, наоборот, представляет как высокую степень жизнелюбия, не ставит знака равенства между массовым и низкопробным. Разделения общего потока на хорошие и плохие русла всегда были ему чужды, как и пристрастия к какому-то одному мировоззрению, к одной идеологии или манере сценического движения. В «Метаморфозах» танцуют в тяжелых ботинках и на пунтах, в мягких тапочках и на высоченных шпильках. Хлопая себя по телу — будто стряхивая скверну. Змеобразно шевеля пальцами, простертыми к залу. Веселясь искренне и нарочито — пируя во время чумы.

Воплощая лозунг: «Когда еще делать каламбуры, как не перед лицом фатальности».

Бежар 1998 года не боится быть сентиментальным, склонным к назидательности и морализаторству. Он живет собственнотой мощной инерцией, повторяя найденные за двести поставленных балетов танцевальные и режиссерские ходы. Он почти перестал перекодировывать свои впечатления, часто доверяясь буквальному перенесению их на сцену. Именно конкретное напоминание, бередящее чувство ответственности за планету Земля (то, что накрепко привито движением «зеленых» к стволу европейской культуры) и лежит в основе шумного успеха, выпавшего, по словам, «Метаморфозам» на премьеры и первых показах на континенте. В скобках: у нас, где «партий зеленых» в народе называют людей с долларами, а до экологии не доходят руки в ситуации «как прожить сегодняшний день», — спектакль не вызовет подобного резонанса. Аплодисменты зрительного зала ГАБТа, добротные и «отдающие дань», все же не подошли на овацию.

Что толку удивляться: зачем крупнейший хореограф века вывешивает плакаты с призывами? Любой шаблон все равно преображен у Бежара в личное кредо. Всякая банальность стимулирует внутренний импульс. Каждое риторическое клише истолковывается как архетип. А на все возможные упреки он уже давно ответил, написав в мемуарах: «Меня часто упрекают, что в моих балетах слишком много всего. Слишком много чего именно?» Цитируя любимые слова Пикассо, который говорил: «Я насыляю свои картины любимыми вещами, а там уже пусть они сами договариваются между собой». Всю жизнь примеряя — вперемежку — маски наивного ребенка и мудрого духовидца.

Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон (Библия).